МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Паклина Анна Николаевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Современная антиутопия. Своеобразие метажанра (материалы для подготовки учащихся к итоговой аттестации)

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой
к. ф. н., доцент Полуэктова Т.А.
10.05.2025

Руководитель
д. ф. н., профессор Ковтун Н.В.

Дата защиты 25.06.2025

Обучающийся Паклина А.Н.

Оценка 5 (отлично)

Красноярск
2025

Согласие
на размещение текста выпускной квалификационной работы, научного доклада об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы
в ЭБС КГПУ им. В.П. АСТАФЬЕВА

Я, Пакмина Анна Николаевна
(фамилия, имя, отчество)

разрешаю КГПУ ИМ. В.П. Астафьева безвозмездно воспроизводить и размещать (доводить до всеобщего сведения) в полном объеме и по частям написанную мною в рамках выполнения основной профессиональной образовательной программы выпускную квалификационную работу, научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (далее ВКР/НКР)
(нужное подчеркнуть)

на тему: Современная антиутопия. Своеобразие метажанра (материалы для подготовки учащихся к итоговой аттестации)
(название работы) (далее - работа) в ЭБС КГПУ им. В.П.АСТАФЬЕВА, расположенном по адресу http://elib.kspu.ru, таким образом, чтобы любое лицо могло получить доступ к ВКР/НКР из любого места и в любое время по собственному выбору, в течение всего срока действия исключительного права на работу.

Я подтверждаю, что работа написана мною лично, в соответствии с правилами академической этики и не нарушает интеллектуальных прав иных лиц.

дата 23.06.2025 *подпись*

АНТИПЛАГИАТ
ОБНАРУЖЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа
на наличие заимствований

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ "КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА"

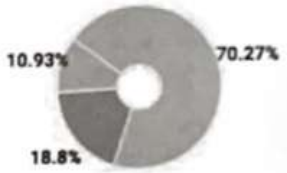
ПРОВЕРКА ВЫПОЛНЕНА В СИСТЕМЕ АНТИПЛАГИАТ.ВУЗ

Автор работы: Ковтун Наталья Вадимовна
Самоцитирование рассчитано для:
Название работы: VKR Паклина
Тип работы: Не указано
Подразделение:

РЕЗУЛЬТАТЫ

СОВПАДЕНИЯ	18.8%
ОРИГИНАЛЬНОСТЬ	70.27%
ЦИТИРОВАНИЯ	10.93%
САМОЦИТИРОВАНИЯ	0%

ДАТА ПОСЛЕДНЕЙ ПРОВЕРКИ: 24.06.2025



Структура документа: Проверенные разделы: основная часть с.1-2, 5-34, 42-49, введение с.3-4, выводы с.34-41

Модули поиска: Шаблонные фразы; Рувики; ИПС Адилет; СПС ГАРАНТ: аналитика; Публикации eLIBRARY; Переводные заимствования IEEE; Цитирование; Переводные заимствования; Патенты СССР, РФ, СНГ; Диссертации НББ; СПС ГАРАНТ: нормативно-правовая документация; IEEE; Коллекция НБУ; Переводные заимствования по коллекции Интернет в русском сегменте; Перефразирования по коллекции IEEE; Перефразированные заимствования по коллекции Интернет в английском сегменте; Медицина; СМИ России и СНГ; Сводная коллекция ЭБС; Публикации РГБ; Перефразированные заимствования по коллекции Интернет в русском сегменте; Кольцо вузов; Переводные заимствования по коллекции Гарант: аналитика; Публикации РГБ (переводы и перефразирования); Переводные заимствования по коллекции Интернет в английском...

Работу проверил: Ковтун Наталья Вадимовна
ФИО проверяющего

Дата подписи: 24.06.25

Подпись проверяющего

Чтобы убедиться в подлинности справки, используйте QR-код, который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего. Предоставленная информация не подлежит использованию в коммерческих целях.

ОТЗЫВ
научного руководителя
д-ра филол. наук, проф. Н.В. Ковтун о выпускной квалификационной работе
Паклиной Анны Николаевны
на тему: **Современная антиутопия. Своеобразие метажанра (материалы для подготовки учащихся к итоговой аттестации)**
КГПУ им. В.П. Астафьева
филологический факультет
кафедра мировой литературы и методики ее преподавания
направление: 44.03.01 Педагогическое образование
направленность (профиль) образовательной программы Литература

№	Параметры оценивания	высокая	средняя	слабая	Отсутствует
1.	Четкость, логичность структуры работы и изложения материала	+			
2.	Знакомство с основными источниками по теме		+		
3.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
4.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования		+		
5.	Достоверность результатов исследования		+		
6.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения		+		
7.	Количество и качество анализа художественного материала		+		
8.	Глубина раскрытия темы		+		
9.	Личный вклад в раскрытие темы	+			
10.	Ответственность в отношении к работе	+			

Комментарии научного руководителя

Анализ метажанра утопии/антиутопии достаточно сложен, ибо даже на уровне определения феномена вопрос по сей день остается открытым. Учитывая это обстоятельство подчеркнем ответственность коллеги, взявшейся за названную проблематику. Цель работы – анализ антиутопических мотивов и особенностей метажанра антиутопии на материалах повести «Лаз» В.С. Маканина.

Данная работа соответствует положению о ВКР – логичность структуры исследования на хорошем уровне. Студент продемонстрировал достаточную степень вхождения в проблематику: изучил соответствующую научную литературу, выстроил концепцию, представил итоги и перспективы исследования.

Цель выпускной квалификационной работы А. Паклиной достигнута. Работа хорошо структурирована и грамотно исполнена; она удовлетворяет всем требованиям, предъявленным к выпускным квалификационным работам студентов-бакалавров и может быть рекомендована к защите.

Рекомендация научного руководителя	*Рекомендую допустить к защите.*

Н.В. Ковтун

д-р филол. наук, профессор
21.06.2025 г.

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Литературная антиутопия как метажанр 5
1.1 Специфика метажанра 5
1.2. История становления антиутопической парадигмы 11
Глава 2. Антиутопическая реальность в повести «Лаз» В.С. Маканина 20
2.1 Метажанровые особенности повести «Лаз» 20
2.2 Образ главного героя как отражение идей эпохи 28
Заключение 35
Список использованных источников 38
Приложение 1 43

Введение

Актуальность исследования современной антиутопии обусловлена особым местом метажанра в литературе XX–XXI веков, отражающей социальные, политические и философские вызовы времени. Антиутопия как жанр обнажает проблемы власти, свободы, дегуманизации общества и угрозы утраты личностных ценностей. В русской литературе данный жанр занимает особую нишу, находясь на пересечении художественной традиции социальной критики и философских размышлений о будущем человечества. Повесть Владимира Маканина «Лаз» представляет собой яркий пример антиутопии, в которой исследуются вопросы человеческой свободы, страха и морального выбора.

Объектом исследования является концепт «метажанр» в современных антиутопических текстах.

Предметом исследования – особенности репрезентации своеобразия метажанра в повести Владимира Семеновича Маканина «Лаз», первая публикация 1991 г.

Научная новизна работы заключается в анализе антиутопических мотивов и особенностей метажанра в повести «Лаз» с акцентом на образ главного героя Ключарева. Несмотря на значительное внимание к творчеству В. Маканина, его произведения не всегда рассматриваются в контексте антиутопии, что делает изучение повести актуальным и востребованным.

Целью данной работы является выявление и анализ антиутопии как метажанра, исследование повести «Лаз» В. Маканина, а также раскрытие роли главного героя как связующего звена между двумя параллельными мирами, отражающими противоречия социальной и нравственной реальности.

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи:

1. Исследовать метажанровые особенности современной антиутопии и их проявления в русской литературе.
2. Раскрыть роль антиномии «верх-низ» в структуре произведения.
3. Охарактеризовать образ главного героя Ключарева как проводника между двумя мирами и носителя моральных идей автора.

4. Выявить ключевые мотивы повести, связанные с темами свободы, страха и дегуманизации.

Степень научной изученности вопроса характеризуется наличием исследований, посвященных жанру антиутопии в русской и мировой литературе. Такие ученые, как М. Ф. Амусин, Л. С. Сарджент и В. А. Чаликова, уделяли внимание теоретическим аспектам жанра. Анализ художественного мира В. Маканина представлен в работах В. Есина, В. Курбатова, Н. Ивановой, Н. В. Ковтун.

Помимо прочего, жанровая природа антиутопии трактуется актуальным литературоведением неоднозначно. В своем исследовании мы рассматриваем произведение В. Маканина как соответствующее антиутопическим канонам и проблематике, поднимаемой метажанром. Русская антиутопия отличается активным новаторством, поиском новых жанровых разновидностей и художественных принципов.

Методологической базой исследования выступают литературоведческие подходы, включающие:

- Сравнительный анализ, позволяющий соотнести повесть «Лаз» с традицией антиутопии в русской литературе.
- Структурно-семиотический анализ, направленный на исследование хронотопа произведения.
- Герменевтический метод, применяемый для интерпретации образа главного героя и авторской идеи.

Таким образом, исследование повести «Лаз» в контексте антиутопической традиции позволяет углубить понимание жанра и осмыслить актуальные проблемы, отраженные в русской литературе XX века.

Глава 1. ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТИУТОПИЯ КАК МЕТАЖАНР

1.1 Специфика метажанра

Метажанр - наджанровая историко-типологическая группа согласно теориям ряда российских литературоведов. Крупная форма, существующая над обычными жанрами и объединяющая их по какому-то общему признаку. Категория метажанра разработана в основном применительно к литературе и понимается как структурно выраженный устойчивый инвариант, объединяющий группу литературных жанров общим способом художественного моделирования мира и возникающим или в процессе вызревания старого жанра с доработкой его идей, или в ходе появления новых жанров, имеющих схожую конструктивную доминанту [Лейдерман, 2010].

Метажанр рассматривается как выражение «определенной конкретно исторической концепции» [Бурлина, 1987, с. 43], способной объединить художественные произведения из разных видов искусства «со сходными структурно семантическими признаками в построении модели мира, отражающей константы сознания и культуры в определенный исторический период» [Романова, 2019, с. 18]. В качестве метажанровых образований рассматриваются утопия и антиутопия, сформировавшаяся на базе утопии и вобравшая в XX–XXI вв. разные способы художественно-эстетического видения не только в литературе.

Антиутопия как метажанровое образование характеризуется общим принципом создания антиутопической модели мира, высокой абстрактностью образов антиутопических миров, общей семантической направленностью произведений, выходящих за рамки литературных категорий с их синтетическим характером, сложным построением, жанровым и образным смешением, проявляющимся в появлении разнообразных форм и типов.

Если рассматривать антиутопию с точки зрения теории метажанра, то она представляет собой определенную культурно-историческую концепцию XX–XXI вв., имеющую неизменную антиутопическую основу – негативное описание общественного мироустройства будущего или альтернативного настоящего/прошлого, дополняемую разными жанрами (постапокалипсис,

киберпанк и т. д.) и объединяющую текстовые и аудиовизуальные произведения со схожим антиутопическим мировосприятием.

Использование категорий метажанра и жанровой модальности по отношению к современной антиутопии позволяет классифицировать новые образования, в частности понятие *амбиутопии*, которая представляет собой гибридный жанр, развившийся в духе постмодернистского разрыва границ между утопией и антиутопией и характеризующийся амбиутопизмом, то есть умонастроением с амбивалентным сочетанием утопических и антиутопических идей в построении модели мира, создающей некий дуальный образ общества. Для амбиутопизма как многовариантности антиутопического дискурса и синкретического объединения утопизма и антиутопизма, по мнению М. Н. Эпштейна, характерны «повышенная чувствительность к будущему, острота ожиданий, проектирование образов и моделей будущего, крайне восторженное или настороженное отношение ко всему новому» [Эпштейн]. Благодаря постмодер нистской интертекстуальности антиутопия в рамках амбиутопической парадигмы активно взаимодействует с утопией и выступает как реализация утопического общества, совершенствующегося с ценностно-негативной стороны что позволяет ей обогащать смысл художественных текстов, определять их эстетические и когнитивные доминанты. М.Н. Эпштейн для обозначения сращения полярных направлений, указания зоны их пересечения предлагает определение «амби». «Любая отрасль знаний подразумевает, по его мнению, антагонистическую пару, вторую часть бинарной оппозиции» [Эпштейн, 2001: 180].

В своих работах Эпштейн применял данное понятие, в том числе, для описания амбиутопии – сплава разнонаправленных утопических устремлений, неоднозначного взгляда на будущее, сочетающего в себе как оптимистичные, так и пессимистичные аспекты предсказаний о грядущем.

Современные подходы к пониманию антиутопии свидетельствуют о том, что антиутопия является сложным феноменом, в котором обнаруживается тесная связь с утопией как основой для ее становления. Современная антиутопия выступает как метажанровое образование, как художественная модальность, как

постмодернистский конструкт, имеющий определенный набор (анти)утопических признаков, отражающих определенное умонастроения и миро ощущение культуры второй половины XX – начала XXI в. и охватывающий раз ные сферы художественной культуры, в том числе связанные с достижениями в области визуальных форм художественной реальности.

Современные литературные исследования предлагают различные интерпретации жанровой принадлежности антиутопии. В данном исследовании мы опираемся на концепцию Н.В. Ковтун и А.Н. Воробьевой о метажанре, применяемую к утопии и антиутопии. Согласно этой концепции, утопия и антиутопия рассматриваются как единый жанр – метаутопия, в рамках которого происходит диалектическое объединение общих и различных характеристик, свойственных утопии и антиутопии. А.Н. Воробьева определяет его как цельный жанр с приставкой «мета», гармонично сочетающий в себе противоположные черты идентичных ценностных ориентиров, а также как схожие, так и отличные особенности обоих жанров.

Нет единства и в трактовке *утопии* как литературного явления, особенно если рассматривать ситуацию в XX веке, когда распространилась антиутопия. Появляются новые концепции: трактовка утопии не как жанра, а как художественной системы. В связи с этим, под утопической традицией мы вслед за Н.В. Ковтун понимаем «ряд текстов, каждый из которых представляет источник мотивов, образов для позднейших утопических произведений» [Ковтун, 2005, с. 4]. Несмотря на явные различия между утопией и антиутопией в плане их строения и способов осмысления идеального общества, оба эти типа повествования, тем не менее, относятся к одному и тому же жанровому пространству.

В то время как утопические произведения стремятся к изображению или созданию идеального общественного устройства, антиутопии, напротив, критикуют подобные стремления, апеллируя к тем же самым ценностям.

Утопия, укорененная в народном сознании через мифы и легенды, хотя и подверглась критическому переосмыслению, полностью не была отвергнута.

Антиутопия ведет непрерывный диалог с утопией, которая продолжает свое стремление к построению совершенного мира. Со временем эта взаимосвязь становится более сложной, основываясь на взаимодействии эстетических принципов, что стало возможным благодаря расширению контекстов и установлению связей с другими явлениями культуры.

Поскольку антиутопия и утопия сосредоточены на одних и тех же объектах изображения, первая закономерно возникает из второй, формируя вместе с утопическими текстами одну из наиболее подходящих форм художественного воплощения общечеловеческой тяги к совершенствованию общества и мира.

Утопия занимает особое положение в культурном пространстве и литературном процессе, выступая как неотъемлемая часть культуры и как специфический литературный жанр, существование которого определяется его промежуточным положением и особенностями художественного вымысла, «структурированного на основе игры реальностями – онтологической и художественной» [Павлова, 2004, с. 28].

Б.А. Ланин, исследуя в своих работах и монографиях «анатомию» антиутопии, анализируя специфику художественного государства и социума, выделяет такие жанровые признаки [Ланин, 1993]:

– «спор с целым жанром: исконная направленность антиутопии против утопии как таковой;

– эксцентричность главного героя антиутопии, вынужденного жить в ненормальном ритме, подчиняясь правилам аттракциона: по мнению исследователя, аттракцион имеет сюжетообразующую роль, потому что позволяет раскрыться внутреннему потенциалу персонажей;

– особое внимание к чувственной сфере: телесность парадоксальным образом становится пробудителем духовности;

– ограниченное пространство героев антиутопии; архетипический конфликт верха и низа»;

Борис Александрович отмечает жанрообразующее значение утопии для формирования и становления антиутопии. Изучая работы отечественных

писателей-утопистов, исследователь особое внимание уделяет представленному авторами художественному воплощению «слома» семейных отношений.

Антиутопия рисует пронизывающие повседневность карнавальные элементы, строящиеся на напряжении между страхом и «маскарадом». В антиутопии «Мы» Замятина, в традиции безумного карнавала, связи между людьми разорваны, а дистанция стерта, за исключением священного ореола вокруг фигуры Благодетеля и его "нумеров". Равенство достигается путем нивелирования личности. В этом новом мире границы между гражданами стираются, образуя безликую массу, где каждый – лишь винтик в огромной машине. Лишь пропасть между вершиной пирамиды и ее основанием остается неприкосновенной, подчеркивая трагическую иронию "свободы" в Едином Государстве. На первый взгляд, это создает иллюзию «вольного фамильярного контакта между людьми» — характерной черты карнавальной культуры. Однако эта фамильярность зиждется на праве каждого следить за каждым и доносить в Бюро Хранителей. Таким образом, в антиутопическом мире устанавливается новый модус человеческих взаимоотношений, где ключевую роль играют контроль, недоверие и страх — основные механизмы тоталитарного общества [Ланин, 1993, с. 154-163].

Утопию традиционно рассматривали как специфическую форму общественного сознания, наряду с другими, такими как миф, идеология, нравственность, религия, наука, искусство и философия. По мнению О. А. Павловой, утопия включает в себя такие отвлеченные концепции, как «свобода, равенство, братство», всеобщая гармония, идеал, отсутствие конфликтов и полная рационализация бытия. [Павлова, 2004, с.37]. Эти представления, невзирая на их нереализуемость на практике, воспринимались как вполне достижимые ориентиры.

В. П. Шестаков также выделял ключевые черты утопии как формы общественного сознания: это «осмысление социального идеала, социальная критика, стремление бежать от мрачной действительности и попытки предвосхитить будущее общества» [Шестаков, 1990, с. 6]. Со временем термин

"утопия" проник в литературу, эволюционировав в художественный жанр, предназначенный для воплощения идеализированных представлений о совершенном обществе. Исследователь Л. С. Сарджент утверждает: «Утопическая литература, как это ни странно звучит, — один из наиболее исследованных и вместе с тем наиболее теоретически темных жанров. Существует множество работ, анализирующих отдельные аспекты жанра, и десятки исследований, пытающихся охватить его в целом. Однако отсутствует единая база изучения: четкие определения и библиографии...» [Чаликова, 1992, с. 33-46].

Подобной точки зрения придерживается В. А. Чаликова, которая выделяет несколько факторов, усложняющих жанровую идентификацию утопии:

1. Использование термина «утопия» в Новое время, введенного Томасом Мором.
2. Разнообразие форм, в которых воплощаются утопические идеалы: теоретические, публицистические и художественные.
3. Амбивалентность целей утопии.
4. Наличие других фантастических жанров, особенно активное развитие научной фантастики.

Учитывая приведенные данные, можно сделать вывод, что утопические произведения охватывают широкий спектр жанров: от народных сказок и мифов, повествующих о земном рае, до приключенческих романов и пророческих текстов. К ним также относятся философские и религиозные романы, различные виды фантастики, включая научную и ненаучную, а также проекты, направленные на моделирование будущего.

В связи популярностью в различные эпохи и вследствие развития социальных типов мышления и литературных жанров, исследователи подчеркивают изменчивость семантики определения утопии.

Настоящий всплеск интереса к антиутопическому жанру в русской литературе произошел в XX веке в контексте революций, гражданской войны, сталинизма и тоталитарного контроля. Одним из первых значительных произведений этого жанра стал роман Евгения Замятина «Мы» (1920). Это

произведение стало классикой антиутопии, исследуя будущее общества, основанного на строгом рационализме и подавлении индивидуальной свободы. «Мы» оказало влияние на последующие произведения мировой литературы, такие как «1984» Джорджа Оруэлла и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли.

В советской литературе тема антиутопии развивалась в контексте противоречий между официальной идеологией и творческой свободой. Так, Андрей Платонов в своих произведениях, например, в «Котловане», создал образы разрушительного воздействия тоталитарного мышления на личность и общество.

Вторая половина XX века стала временем переосмысления антиутопических тем в русской литературе. Владимир Маканин в своей повести «Лаз» продолжил развивать традиции антиутопии, изображая мир, где власть и страх подавляют индивидуальность, а герои пытаются найти пути к спасению через внутренние метаморфозы.

Антиутопические мотивы остаются актуальными и в современной русской литературе. В эпоху глобальных вызовов, технологического контроля и социального неравенства они находят новое выражение. Произведения таких авторов как Татьяна Толстая «Кысь» или Алексей Конаков «Табия тридцать два», содержат элементы антиутопии, исследуя как глобальные, так и национальные проблемы.

Русская антиутопия остается важной частью литературы, предлагая глубокий анализ общества, исследуя пределы свободы и возможности человека сохранить свою личность перед лицом идеологических угроз.

1.2. История становления антиутопической парадигмы

Утопия, как жанр, берет свое начало в далекой древности. Утопические идеи, впоследствии эволюционировавшие в свою противоположность – антиутопию, присутствуют на протяжении практически всей истории человечества. Утопическая традиция насчитывает около трех тысячелетий. В переводе с греческого, "утопия" означает "несуществующее место".

Одним из ключевых факторов развития понятия «утопия» стала публикация одноименной с термином книга Томаса Мора с детальным описанием утопической

парадигмы, вследствие чего углубилась терминологическая наполненность. Благодаря Мору сформированы предпосылки для возникновения последующих (интертекстуальных) произведений.

В период смены столетий, на стыке XIX и XX веков, трансформируется определение границы утопии. Теперь утопическими произведениями считаются не по принципу изображения в них вымышленного государства, а вследствие изображения в них контекста, обладающего глубоким социально-политическим или социально-философским смыслом, определяющим их содержание.

На рубеже XIX–XX веков происходят важные изменения в определении границы утопии, произведения называются утопическими не по принципу фантазийного изображения в них реальности мифического государства, а вследствие их содержания, наполненного социально-политическим (и/или социально-философским) смыслом.

Далее, в XX веке плавно созревает и впоследствии переживает апогей антиутопия. Первое упоминание термина «dystopians» в противовес «utopians» случилось в 1868 году – британский философ и политик Д. С. Милль озвучил его в своем обращении к парламенту.

«Антиутопию» как название литературного жанра в науке сделали нормативной М. Патрик и Г. Негли в своей антологии «В поисках утопии». Определение «Anti-utopia» употреблялось для описания произведений не утопического плана, а социальной направленности [Negley, Patrick,1952].

Взлет и популярность антиутопических произведений во многом определяются историческими периодами потрясений и кризисов, когда утопические надежды на светлое будущее подвергаются серьезным сомнениям, что указывает на их неразрывную связь с развитием утопической мысли [Юрьева, 2005; Шишкина, 2009].

Одним из наиболее значимых событий, оказавших влияние на становление и эволюцию антиутопии, безусловно, стала социалистическая революция в России. Изначально провозглашая благие намерения и стремление к идеальному обществу, революция обернулась трагическими последствиями: разрушением,

насилием и установлением тоталитарной власти. Эта борьба за "лучшее будущее" не достигла своей цели, так как привела к противоположным результатам, породив атмосферу страха и подавления. Основой для создания «образцовых» антиутопий, таких как роман «Мы» Замятина стал крах утопических идей об идеальном мироустройстве, потеря ценностных ориентиров.

Дискурс антиутопических произведений, рассматриваемый как совокупность текстов, принадлежащих к метажанру антиутопии и формирующих особое дискурсивное пространство, исторически неразрывно связан с общественно-социальными вопросами. В рамках данного метажанра можно выделить следующие ключевые тематические направления:

Во-первых, взаимодействие главного героя с враждебной ему социальной структурой. Центральным вопросом является способность индивида, будучи частью социума, в котором коллективное превалирует над индивидуальным, сохранить свою человечность.

Во-вторых, конфликт между научно-техническим прогрессом и человеческой природой. Здесь противопоставляются бездушный рационализм, свойственный роботизированным системам, и нравственные, творческие и духовные аспекты личности.

В-третьих, репрессивная государственная машина, стремящаяся превратить разумное существо в незначительный элемент обширного механизма.

Следует отметить, что основная тематика антиутопий берет свои корни в утопических идеях, которые в процессе исторической эволюции трансформировались в метажанр литературного феномена. Сочетание противоположных концепций утопии и антиутопии создало основу для формирования антиутопии как самостоятельного жанрового образования. Тем не менее, вопрос о четких границах антиутопии как жанра остается дискуссионным и по сей день. В своих исследованиях Ю. Л. Латынина, Б. А. Ланин и А. Н. Воробьева рассматривают антиутопию и утопию не в контексте двух различно устроенных миров (хорошего и плохого), а как динамическое описание

мира, с одной стороны, и статичное повествование о мире, с другой [Латынина, 1992].

«Всякий утопический текст можно опровергнуть антиутопией, однако, в то время как утопический мир характеризуется замкнутостью, статичностью, он неизменен и является «единственным истинным», антиутопия отрицает статичность и используется утопический фон для развития динамичного повествования. Рассматривать антиутопию в отрыве от утопии невозможно, поскольку их генетическое родство предполагает сравнение и отталкивание друг от друга, и всё, что есть в антиутопии статичного и описательного, берет истоки в утопии» [Ланин, 1993].

Метажанр утопии оказался в глубоком кризисе, наступившем после первой мировой войны. «Эта война, – писал Э. Фромм в "Послесловии к роману Дж. Оруэлла «1984», – ознаменовала начало процесса, которому предстояло в сравнительно короткое время привести к разрушению двухтысячелетней традиции надежды и трансформировать ее в состояние отчаяния» [Фромм, 2002, с. 258].

Негативная утопия двадцатого столетия возникла из-за краха социально-исторических ожиданий и надежд. «Лишь в XX веке возникает как массовое явление, как продукт определенного типа сознания, обладающий собственной художественной ценностью» [Рейли, 1988, с. 29]. С самого момента появления антиутопии XX века были отмечены пессимистичным настроением.

Этому способствовали следующие факторы:

1) Дегуманизация личности вследствие возрастания научно-технического прогресса;

2) 20 – 40-е годы нашего столетия стали апогеем негативных утопий, этому способствовали обострившиеся социально-политические противоречия XX века.

Стабилизация жанровых канонов антиутопии приходится на XX столетие. В этот период были созданы ключевые произведения, определившие развитие жанра, такие как работы Е. Замятина, Дж. Оруэлла и О. Хаксли. Именно в это время окончательно оформились основные идейные, тематические и художественные особенности антиутопии как литературного направления. На этот

же период приходится концентрация и закрепление основополагающих признаков жанра.

В эпоху 1920-х годов, когда утопические концепции прошлого приобретали зловещие очертания в настоящем, Евгений Замятин создал свой роман «Мы». Мир, словно сорвавшийся с намеченного пути, стремительно менялся. На фоне послевоенного хаоса, распространения идей коллективизации и политики военного коммунизма, а также воспоминаний о механизированной Англии периода постройки ледоколов, Замятин заложил основу для вымышленного мира Единого Государства.

Важно подчеркнуть, что роман «Мы» радикально отличается от предшествующих утопических произведений. Замятин позиционировал себя как новатора, предложившего переосмысление утопии. Он представил возможное будущее, противоположное антиутопическим представлениям, отказываясь от идеи создания идеальной, но оторванной от реальности модели.

Как и Мор, Замятин предстает новатором, заложившим фундамент для переосмысления утопических вопросов и художественных приемов. Он, по словам Р. Гальцевой и И. Роднянской, «задает тут некий эталон» [Гальцева, Роднянская, 1988, с. 219].

Евгений Замятин вступает в прямой конфликт с традициями утопической литературы, которая эволюционировала на протяжении двух тысячелетий, начиная с Платона и заканчивая Гербертом Уэллсом. Он переосмысливает основную цель жанра, отказываясь от привычной модели условно положительного идеала и предлагая взамен условно отрицательную парадигму. В духе утопий, Единое Государство Замятина представляет собой образ идеального политического строя, где индивиды обезличены и обозначены номерами, а во главе стоит Благодетель, исполняющий роль палача. Безупречность достигается ценой абсолютной потери свободы, что многими ошибочно считается нормой. Замятинская антиутопия представляет собой не описание уже сформировавшегося социума, а скорее фиксацию точки перелома в его циклическом развитии, предвещающей грядущий переворот. Осознание катастрофических результатов

воплощения в реальность утопических замыслов превращается в определяющую характеристику всей последующей литературы утопического жанра, формируя трагическую основу. Роман «Мы» можно рассматривать как антиутопию в контексте предшествующей утопической традиции, однако Замятин направляет свою критику не против создателей классических утопий, а против самого утопического мировоззрения, выявляя бесчеловечность, присущую реализации подобных концепций.

Новую веху в развитии антиутопической литературы обозначил собой, представляя сатирический взгляд на возможное будущее, Олдос Хаксли в романе «О дивный новый мир» (1932 г.), который явился важной ступенью в эволюции антиутопического жанра в первой половине двадцатого столетия.

По оценке А. Любимовой сюжет Замятина и Хаксли «заключает в себе энергию отрицания концепции застывшего времени» [Любимова, 1990, с. 107].

Оба писателя-антиутописта критикуют идеализированные социумы, поскольку те, достигнув пика своего развития, препятствуют прогрессу человечества. Общим знаменателем в концепциях Единого государства и Мирового государства выступает процесс мифологизации общественного сознания, где рациональное мышление замещается слепой верой. Это проявляется в форме культа личности: обожествления фигуры Благодетеля в романе Замятина и Главноуправителей у Хаксли.

Слова Н. Бердяева, ставшие эпиграфом к произведению, о том, что "утопии страшны своей реализуемостью", отражают основную проблематику работы. Хаксли проводит деконструкцию утопических идей, демонстрируя потенциальные последствия стихийного стремления к построению идеального мира, основанного на технологическом прогрессе в футуристическом обществе.

Роман «1984» Дж. Оруэлла представляет собой значительное продвижение в жанре антиутопии. Автор ставил перед собой задачу всестороннего анализа природы и деструктивного воздействия тоталитаризма, который он считал одним из самых зловещих явлений XX века. В произведении Оруэлл исследует механизмы контроля над личностью и обществом, демонстрируя, как подавление

свободы мысли и выражения приводит к деградации человеческой сущности. «1984» служит предостережением о потенциальных опасностях, связанных с неограниченной властью государства и манипулированием информацией.

В романе «1984» Оруэлл изображает тоталитаризм как всеобъемлющую систему контроля - модель управления полностью подчиняющую себе каждый аспект существования человека. Автору удается сложить в одно целое критические точки прошлых, действующих и потенциальных образов тоталитарного строя, это позволяет говорить о том, что роман имеет возможность именоваться энциклопедией тоталитарных воззрений человечества. Проблема тоталитаризма и его разоблачения не только определяет основную тематику романа - существование личности в условиях полного контроля, но и влияет на своеобразие поэтики романа: образную систему романа, повышенное напряжение сюжета. Особенностью произведений первой половины XX в., в том числе и негативноутопического романа «1984», становится сочетание различных жанровых образований, включающих элементы романа-предупреждения, антимилитаристического, политического произведения, научного трактата, что свидетельствует о емкости и гибкости метажанра.

Благодаря творчеству Дж. Оруэлла, О. Хаксли и Е. Замятина жанр антиутопии в XX столетии приобретает статус большой литературы. «Повелитель мух» У. Голдинга, «Заводной апельсин» Э. Берджесса и др. продолжили трагическую ноту осознания страшных последствий для человечества при реализации утопических проектов.

В ходе дальнейшего развития метажанра, на рубеже XIX и XX веков «позитивная» утопия уступает место «негативной», предрекая рождение антиутопии. Основной задачей утопии является демонстрация миру пути к совершенству, в то время как антиутопии – предупредить мир об ожидающем его на этом пути опасностях. В истории русской литературы XIX века широко представлены предупреждения, как следствие жанра «предсказание», а в глобальном масштабе – «пророчества».

Вследствие трансформаций в общественном сознании, искусстве и социокультурной среде, образ героя в антиутопических произведениях претерпевает изменения. Авторы помещают его в центр не только государственных, но и общемировых проблем и противоречий, на плечи этого протагониста ложится бремя социальных, политических и экзистенциальных проблем. В антиутопиях появляется герой, выступающий в роли объекта манипуляций со стороны средств массовой информации и политических стратегий. Авторов беспокоит моральное состояние человека, трансформация его психологического портрета в процессе столкновения с сложнейшим политическим и информационном полем, нахождение внутри которого затрудняет принятие решения в тяжелых жизненных перипетиях. Психологическое состояние становится главным критерием ключевым показателем для оценки общественного сознания и прогнозирования его дальнейшего развития.

Основная классификация героев современных антиутопий представлена следующими типажами: творцы, интеллигенты, чиновники, странники-правдоискатели, философы. Однако в произведения современности приходят новые действующие лица: маргинальные герои, алкоголики, «уроды», «мутанты», политики, «государственные служащие», дети и др.

Благодаря расширению типологии героев читателям является наиболее глубокая и всесторонняя картина, изображающая нравственно-философские поиски героя и вместе с тем, отражающая проблемы, с которыми сталкивается современный человек. Нельзя не упомянуть и героя-трикстера, блуждающего не то «по лабиринтам метро, общежитий, редакций, коридорам психбольницы, пустым подъездам и квартирам» [Ковтун, 2022, с. 239], не то протискивающегося, «окорябываясь» о неровности зияющего раскола, вползающего через лаз в земле.

Интеллигенция обычно играет ключевую роль в критике и осмыслении общественных процессов, а антиутопия по определению фокусируется на таких проблемах - образ главного героя нередко сопряжён с интеллектуальным слоем общества.

Товарищество творческой интеллигенции, пытающейся выразить оппозицию существующему строю, экспонировано в современной антиутопии, например, андеграундом в лице Петровича в общаге, зримо представляющей все уродства социального быта и являющейся своего рода «прикровенной антиутопией социализма» [Р. С-И. Семыкина., 2008, с. 178].

В условиях дегуманизации и деспотизма, характерных для антиутопий, интеллигенция более чувствительна к дефектам общества в силу более широкого кругозора и возможностей к критическому мышлению. В то же время, главный герой не лишен проблем нравственного выбора. Напротив, протагонист, можно сказать, проявляет «дьявольскую интеллигентность», оставляет за собой право на импульсивные, противоречивые действия для того, чтобы сохранить свое существование, сделать смелый вызов системе, где сама жизнь становится протестом против смерти. Именно поэтому главный герой способен облечь в форму результаты своего экзистенциального опыта, прозрения сути происходящего, путей выхода из собственного внутреннего кризиса.

Таким образом, антиутопия и его центральный персонаж продолжает нуждаться в деконструкции, находя новые пути для реализации в художественном творчестве. У истоков современной антиутопии стоят традиции классической русской литературы о ближайшем и отдаленном будущем человечества и российского пространства, однако в современном прочтении особую остроту приобретают постмодернистские фантазии, пророчества, для кого-то и фата-морганы.

Глава 2. АНТИУТОПИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ «ЛАЗ» В.С. МАКАНИНА

2.1 Метажанровые особенности повести «Лаз»

Владимир Маканин как писатель эпохи перемен

В повестях В. Маканина выделяются две ключевые особенности метажанра антиутопии: первая - иллюстрация воображаемого исторического общества, находящегося на удалении во времени или пространстве, вторая - угроза утраты нравственных ценностей, духовного и физического порабощения человечества.

Повесть «Лаз», опубликованная в 1991 году, вошла в состав сборника Владимира Маканина под названием «Антиутопия». Однако с момента публикации она воспринималась как произведение, принадлежащее к сложному жанру, сочетающему в себе элементы притчи, фантасмагории и антиутопии. По мнению исследователя М. Ф. Амусина внедрение фантастического элемента в знакомую реальность является важной чертой метажанра антиутопии: «Хорошо знакомая читателю жизненная реальность инфицируется фантастическим, немыслимым допущением или “отчуждается” с помощью гротескных приемов, гипербол, перенесения в иной хронотоп» [Амусин, 2010, с. 256].

В повествовании «Лаз» структура пространства и времени разворачивается по двум взаимосвязанным линиям. Первая линия представляет собой город, поглощенный хаосом и упадком. В противовес,другая линия демонстрирует светлое и жизнерадостное подземное убежище, резко контрастирующее с окружающим миром наверху. Эти два различных мира соединены посредством узкого лаза, который выступает одновременно символом перехода между реальностями и олицетворением борьбы за существование: «Вдвоем Ключарев и Никодимов идут меж столиков через весь этот погребок-ресторан и выходят, сворачивая в длинный коридор с великолепным мягким освещением. Здесь, как на улице в яркий день, всегда светло…» [Маканин, 1998, с. 288].

Категория верх/низ в повести становится ключевой антиномией, определяющей существование хронолога. Наверху царит пустота и хаос, время словно застыло: «Опустевший город, ни людей, ни движущихся машин (есть

отдельно мертво стоящие машины на обочинах, но они еще более подчеркивают общую статичность). Пустые тротуары. По глянцевой улице движется один-единственный человек… Этот человек Ключарев...» [Маканин, 1998, с. 285]. В то же время внизу, в подполье, жизнь бурлит: «погребок шумит: люди пьют, разговаривают...» [Маканин, 1998, с. 288].

Центральный персонаж, Ключарев, выступает посредником, соединяющим два различных, но существующих одновременно мира. В мире на поверхности течение времени практически прекратилось, господствуют сумерки, упадок и ощущение стагнации. Данный декаданс подкрепляется конкретными деталями: исчерпаны запасы свечей и чая, отсутствует горячее водоснабжение, телефонная связь не функционирует, а горючее недоступно. В то же время антитезой выступает подполье, где царит изобилие и ощущение праздника, безопасное место, где течет жизнь.

Действительно, Владимир Маканин принадлежал к числу редких писателей, чье литературное долголетие позволило ему отразить изменения не одной исторической эпохи. Он оказался способным сохранять актуальность и говорить о значимых темах, охватывающих несколько десятилетий, от хрущевской оттепели до «путинской стабильности». Писатель органично вписался в культурный контекст шестидесятников, но со временем его творчество претерпело изменения, отражая новые исторические реалии.

Маканин начинал свою карьеру как писатель-шестидесятник, и его первый роман «Прямая линия», опубликованный в 1965 году, является ярким примером литературы того времени. Он идеально отражает эпоху, с ее элементами, которые стали символами той поры: научные лаборатории, производственные драмы, политические контексты. Однако, начиная с семидесятых, проза Маканина меняется, приобретая черты более жесткой и абсурдной картины советской жизни, лишенной теплоты и иронии.

В 1980-е и 1990-е годы Маканин продолжает развивать свою прозу, предсказывая трансформацию советского андерграунда в новый постсоветский истеблишмент, утверждая важные вопросы о переменах в обществе. В своей

литературной работе он не просто отражает происходящее, но и пытается осмыслить эти изменения, подвергая их анализу с точки зрения философии и морали.

Роман «Асан», написанный в нулевые годы, остается самым значимым произведением Маканина о чеченской войне, несмотря на критику за абстрактность и отстраненность от непосредственного опыта войны. Этот роман позволяет Маканину взглянуть на войну как на глобальную историческую трагедию, поднимая важные вопросы о природе насилия и жестокости.

Маканин, пожалуй, один из немногих, кто точно улавливал переломы времени и глубоко отражал их в своих произведениях. Этот удивительный писатель, казалось, то отставал от своей эпохи, то опережал её, но неизменно давал ей самые точные и проницательные описания. Его книги никогда не были продиктованы сиюминутной конъюнктурой, напротив, Маканин умел отразить целую эпоху, начиная с острых, актуальных событий, будто только что вытащенных из кипящей реальности: будь то «Испуг», посвящённый событиям 1993 года, или «Асан», исследующий тему Чеченской войны.

Герои Маканина не просто узнаваемы — они отражают судьбы миллионов людей, показывая разлом эпохи не только в её структуре, но и в пронизывающей её атмосфере. Маканин создаёт образы героев, задыхающихся в суетности бытия, которые навсегда связываются для читателя с запахом пыльного шкафа и вкусом валидола. Эти детали делают его прозаическую ткань настолько живой, что мы не просто видим и чувствуем, как замирает сердце его героя, но и понимаем, почему это происходит. И в этот момент возникает ощущение, что, может быть, ещё есть шанс его спасти. Мы искренне хотим его спасти.

Таким образом, Маканин стал уникальным писателем, который не растворился в своей эпохе, а смог оставаться объективным и критически настроенным по отношению к изменениям в обществе. Его творчество — не просто литература о прошлом, но и интеллектуальный вклад в осмысление того, что происходит в нашей истории и обществе.

В современном литературоведении повесть В. Маканина "Лаз" рассматривается как философская аллегория, представляющая собой иносказательное изображение времени, «не отдельная вещь... а завершающая глава огромного пунктирного эпического романа-хроники, охватывающего стремительное течение русского полувека – от дней войны до дней свободы» [Марченко, 1993, с. 238]. Произведение изображает заключительную фазу российской истории, в которой человек находится не просто на грани, но и за её пределами. Окружающий мир приходит в упадок: город охвачен тьмой, безжизненностью и кончиной, продовольствие исчезает, связь прерывается, движение прекращается. Главный герой теряет связь с действительностью, перемещаясь между загробным и материальным мирами, его родные уходят из жизни, а он пребывает в непрерывном предчувствии грядущего бедствия.

Сюжетная линия повести разворачивается в двух различных, но сосуществующих измерениях – надземном и подземном (андеграундом). Ключарев перемещается между миром на поверхности и подземным миром. «Верх» и «низ» связаны посредством узкого прохода, единственного элемента, обеспечивающего связь, что символизирует переход между реальностями. Этот проход постепенно уменьшается, акцентируя трудность и ненадежность данного маршрута, который главный герой стремится удержать и расширить. Используя организацию пространства, обогащенного фантастическими деталями, писатель исследует через зеркальное отображение фундаментальные вопросы существования личности, находящейся в критической ситуации.

В застывшем сумраке верхнего мира время течет иначе, его ход ощущается через незначительные изменения, свидетельствующие об умирании привычного уклада: связь то поддерживается телефонными сетями, то обрывается; общественный транспорт то функционирует, то прекращает движение; автотранспорт лишается топлива; в жилищах иссякают запасы свечей, чая и горячей воды. Этот мир пропитан атмосферой страха и беспорядка, где единственными, кто проявляет активность, становятся преступники и лица,

склонные к насилию, а человек бессилен перед лицом надвигающейся тьмы и подавляющей силы толпы, уничтожающей индивидуальность.

Подземный мир, напротив, ярок и светел, в нем можно найти не только продукты и вещи, но и ощущение свободы, столь важное для уставшей от страха души. В этом пространстве звучат философские размышления, речи о будущем и единстве. Для Ключарева, главного героя, особую ценность представляет Слово в его высоком смысле – оно становится духовной опорой, позволяющей противостоять хаосу. Герой выступает посредником между верхним миром, лишенным духовности, и нижним, где еще сохраняется идея общности и надежда на возрождение. В лице Ключарева писатель воплощает идею о том, что личность, дорожащая Словом, обязана его беречь и распространять. Символический "тоннель жизни", по которому персонаж переносит необходимые предметы, становится ключевым образом произведения. В прозе Маканина этот образ играет важную роль: его можно увидеть в романе "Андеграунд, или Герой нашего времени", где Пекалов роет тоннель, а писатель Петрович живет в подземном мире. Литературные критики часто интерпретируют его как символ метрополии и эмиграции, как отражение внутреннего мира интеллигенции, противопоставление верхнего и нижнего миров. Однако, в антиутопии "Лаз" этот образ приобретает более широкий смысл, представляя собой поиск выхода из сложной ситуации, из тьмы и хаоса, в направлении света и спасения.

Центральным конфликтом антиутопии Маканина становится борьба за сохранение человечности. Автор убежден, что если человек сможет остаться верным себе в трудных обстоятельствах, то спасение придет, и духовные ценности, а не материальные блага, помогут сохранить человечность. Противостояние «света» и «тьмы», а также противопоставление «верха» и «низа» в повести ассоциируются с борьбой божественного и дьявольского начал. С оппозицией «верх» — «низ» тесно связана антиномия «свет — тьма», причем мироздание, по Маканину, перевернуто с ног на голову: наверху царит мрак, а подземный город светел и ярок.

Из утопического «низа» вместо помощи Ключарев получает лишь палки для слепых, тогда как на земле перед ним возникает образ Христа – «добрый человек в сумерках», олицетворяющий свет человеческой души.

Помимо символа лаза в повести есть и другие хронотопы. Пещера как оплот особого типа «пещерного мышления», где ключевым является попытка удовлетворить только базовые потребности, изначально предполагающаяся для спасения. Бункеры становятся укрытием от внешнего мира, заброшенные церкви – местами скорби, как в случае похорон Павлова. «Пустые квартиры без света и тепла, наглухо закрытые двери, дома «с пустыми глазницами», заброшенные детские площадки» – все это передает ощущение разрушенности и отчуждения мира» [Маканин, 2002, с. 240].

В повести В. Маканина «Лаз» мы видим частный случай семейной антиутопии. Автору удалось раскрыть еще одну существенную грань «антиутопической» семьи. Дело в том, что Ключарев и жена должны попросту спастись. Они роют пещеру - последнее убежище в ужасном окружающем их мире. Чувства их огрубели, отношения стали суровыми: наступила пора их пещерной жизни. Однако при всем том, при всех своих изменах Ключарев возвращается именно в семью, в надежде не только поддержать ее, но и поддержать себя самого. Семья притягивает его сверхсильным магнитом, и лишь с семьей ему остается связывать свои последние надежды.

Остановка № 28 становится для героя символом надежды, пусть и хрупкой, последней нитью общения с близкими людьми, связью, которая объединяет людей даже в хаосе разрушающегося мира, несмотря на то, что автобусы почти перестали ходить.

Городская тематика занимает значительное место в творчестве Владимира Маканина. Город для Маканина – своего рода «материальное» воплощение социума, порождаемое им и порождающее его в ответ. Это «аккумулятор человеческой мысли, эмоций, чувств, действий» [Радионова, 2008, с. 8].

Писатель оценивает эту «среду обитания» с явным негативизмом. Город в его произведениях предстает как пространство, угнетающее, ограничивающее,

лишающее индивидуальности и ослабляющее личность, сводящее её к «усредненному» состоянию. Маканин подчеркивал особую роль урбанистической культуры в формировании единого образа города как символа одной из главных тем его творчества – «усреднённой» реальности.

В ранних произведениях суета и однообразие городской жизни приобретают черты «жёсткого каркаса» [Маканин, 2002, с. 262] или «безвоздушного пространства» [Маканин, 2002, с. 207]. В более поздних текстах, отмеченных постмодернистскими мотивами, образ города трансформируется в гиперболизировано враждебное и асоциальное существо, внушающее жителям ужас и панику. В ранних произведениях города Маканина доминируют отчуждение, холодность, одиночество «в толпе». Созданию такой атмосферы способствуют детали урбанистической культуры, которые писатель художественно «обыгрывает», подчеркивая деструктивный характер городской среды.

В произведениях Маканина актуализируются детали урбанистического пространства, отражающие характерные явления позднесоветской эпохи: индустриализацию, дефицит и нестабильность. Эти особенности ярко проявляются в эмоциональном состоянии городских жителей, которое варьируется от озлобленности до страха. Город в творчестве Маканина становится своего рода плацдармом, на котором разворачивается борьба за духовность и индивидуальность, со временем превращающаяся в борьбу за выживание. Такое восприятие урбанизации логично вписывается в художественное мировидение Маканина, где герой, заключённый в «каркас» социума, либо становится жертвой усреднённости, либо борцом за свою уникальность. В этом контексте «машинный и механический» образ жизни, по мнению Н. Бердяева, является ключевым фактором утраты духовности и искажения ценностных ориентиров, что также пронизывает маканинское восприятие реальности.

Повесть В. Маканина «Лаз» (1991) рассматривается современным литературоведением как философский код времени, «как не отдельная вещица... а

заключительная глава огромного пунктирного эпического романа-хроники, объявшего необъятное быстрое течение русского полувека от дней войны до дней свободы» [Серафимова, 2002, с. 34-41].

В представленном произведении можно наблюдать своеобразное завершение исторической хроники, где персонаж оказывается не просто на грани гибели, а уже за её пределами. Обстоятельства складываются таким образом, что его существование становится невозможным: продовольствие отсутствует, связь прервана, транспорт не функционирует. Городское пространство погружено во мрак и страх, улицы пустынны и лишены признаков жизни. Главный герой теряет ориентацию в реальности, не понимая, находится ли он в мире живых или мёртвых, жив он сам или нет. Его физическое состояние поддерживает жизнь, но психологически он истощён, словно прожил вечность. Вокруг него умирают дорогие ему люди, и он постоянно ощущает приближение трагедии.

В этой истории персонаж не путешествует, а скорее скитается, беспорядочно перемещаясь по заброшенным кварталам, прокладывая туннели и ища убежище для себя и своей семьи. Он не совершает паломничество, поскольку границы его вселенной чрезвычайно ограничены. Он мечется по пустынным проходам, отправляясь в путь не в поисках знаний, а в отчаянном стремлении выжить. Как отмечает А. Мережинская, общей интенцией постмодернизма является поиск: «Кружение, лабиринт отражают кризисность ситуации, переосмысление прежних ориентиров. Но зачастую авторами предлагается и выход, что особенно ярко проявилось в «позднем» постмодернизме и особенно в его русской версии» [Мережинская, 2004, с.121].

Подводя итог, повесть Владимира Маканина «Лаз» представляет собой глубокую рефлексию о человеческой природе в условиях хаоса и кризиса. Через образ главного героя, Ключарева, писатель показывает стремление человека сохранить ценности, несмотря на окружающий развал общества. В мире, где преобладает безысходность, город становится символом деспотичной и «усреднённой» реальности, лишающей личность ее индивидуальности. Маканин использует эту урбанистическую среду для того, чтобы подчеркнуть отчуждение,

абсурдность существования, но также и надежду на спасение через «лаз» — образ точки опоры, спасения и внутренней веры. Повесть вписывается в контекст антиутопической традиции, акцентируя внимание на проблемах социального устройства и личной идентичности, оставаясь при этом верной традициям реализма и религиозного дискурса.

2.2 Образ главного героя как отражение идей эпохи

Желание нового героя, простого человека, найти истину или порядок в мире, полном хаоса и абсурда, мотивировало авторов к поиску новых способов и средств отражения действительности. Новый язык постмодернистской литературы, как отмечает О.В. Богданова [Богданова, 2003, с. 40], включает в себя противоположные элементы. С одной стороны, это язык улицы, насыщенный бранной и нецензурной лексикой, имеющий чернушный и порой порнографический оттенок, ироничный и грубый. С другой, это язык вычурный, изысканный и артистичный.

Кроме того, О.В. Богданова подчеркивает, что для постмодернистской эстетики герой нашего времени, а также фантасмагоричная и абсурдная реальность не являются отклонением от нормы. Напротив, именно они становятся нормой и точкой отсчета, составляющей центр постмодернистского мироздания.

В повести «Лаз» В. Маканин особое внимание уделяет интеллигентской сущности главного героя Ключарева, что проявляется в выразительной и несколько иронической детали, напоминающей о прежней жизни — «Одним из характерных атрибутов героя становится ритуальная шапочка с помпоном, которая делает его чудаковатым, функционально шапочка как знак интеллигента» [Ковтун, 2022, с. 232]. Для самого Ключарева этот предмет олицетворяет «проделавшую долгий путь логику его интеллигентности, которая нашла скромный вызов и одновременно защитную форму. Но не мимикрию» [Маканин, 1998, с. 286].

Жизненный путь Ключарева, отмеченный перебоями, содержит множество препятствий и ловушек, таких как складские помещения и затемненные вагоны. Это отражает сложный путь человеческого мышления, динамику которого автор

стремится зафиксировать. Он не интерпретирует чужие идеи, а скорее пытается уследить за сновидениями и воображением эксцентричного персонажа.

В произведении четко разграничены личная поэтическая утопия героя, основанная на вере в силу слова (не в слово как действие, а в сам процесс красноречия), и скептически-ироничная позиция рассказчика, который уже осознал неэффективность даже самых страстных высказываний. Конфликт между этими мирами в повести не является абсолютным: верхний, угасающий мир представляет собой финальную стадию развития цивилизации, в то время как нижний мир символизирует ее начальный этап.

Это совпадение начальной и конечной точек создает впечатление замкнутости, предопределенности существования, его неиерархической структуры и отсутствия выхода.

Интеллектуальная природа героя обуславливает его жажду мысли и общения. Однако в мертвом и пустынном городе, где люди избегают контактов, даже вербальных, эта потребность остается неудовлетворенной. В изображенном в повести обществе умение вести конструктивный диалог практически исчезло. Чтобы найти подлинный смысл за возвышенными фразами, Ключареву приходится искать убежище в подземном мире. Именно там, в атмосфере уединенных кафе, разворачиваются глубокие интеллектуальные дискуссии, организуются поэтические встречи и ведутся оживленные беседы.

Маканин акцентирует исключительную значимость слова для своего персонажа, наделяя их почти сверхъестественной властью, без которой существование Ключарева становится немыслимым. Слово выступает не просто средством коммуникации, но и жизненной необходимостью, определяющей его внутренний мир и взаимодействие с окружающей реальностью.: «Высокие слова, без которых ему ни жить» [Маканин, 1998, с. 223]. Несмотря на то, что низкие потолки подземных «говорилен» контрастируют с полетом мысли, Ключарев старается не задумываться о таких противоречиях, сосредотачиваясь на самом процессе интеллектуального общения.

Концепция толпы, представляющейся как неорганизованная сила, прослеживается в повествовании последовательно, Ключарев обращает внимание на присутствие толпы в начальных эпизодах, а также у героя зарождаются размышления о возможной гибели приятеля в гуще людей.: «В толпе, в давке движения погибло две сотни народу, если считать только на проспекте. Толпа не считает» [Маканин, 1998, с. 285]. Развитие повествования демонстрирует, что появление массы людей вызывает гнетущее предчувствие утраты индивидуальности. Это связано с контрастом между инстинктивным, звериным поведением толпы и цивилизованным началом, воплощенным в интеллигенте Ключареве. Примечательно, что эта коллективная звериная сущность проявляется в безмолвии; в произведении отсутствуют упоминания о криках, громких призывах, в верхнем мире господствует абсолютная тишина. Ужас заключается в том, как толпа незаметно приближается и поглощает, лишая человека идентичности. Персональное начало Ключарева проявляется в его стремлении к выживанию, в сопротивлении разрушительной деперсонализации. Он пытается создать проход, который станет пространством для новой, отличной от существующей реальности. Герой отличается не только наличием внутреннего стержня, но и имеет внешний отличительный признак в виде «вязаной лёгкой шапочки с помпоном», которая придаёт внешности интеллигента некоторую чудаковатость.

Особенность маршрута Ключарева, заключающаяся в его вертикальной ориентации, подчеркивает его исключительность. Согласно мнению В.Н. Топорова, способность к вертикальному передвижению является прерогативой мифологических персонажей: «Только мифологический персонаж или служитель культа (шаман) исключительных качеств способны совершить вертикальный путь» [Топоров, 2005, с. 236].

В указанном контексте, разделение индивидуума и массы представляет собой характерную черту антиутопических произведений. Однако, Ключарев противопоставляется не только необузданной толпе, обитающей в верхнем мире;

персонаж интегрирован в целостную структуру интеллектуального сообщества, являясь его составной частью.

В повести звучит мысль о ненужности пустых речей внизу: «Общение не может быть высоким беспрерывно; так же как нельзя всю ночь смотреть на звёзды» [Маканин, 1998, с 341]. Подобные формальные разговоры о Достоевском, о мрачных перспективах будущего, основанного на насилии, и о недостижимости счастья теряют свою значимость в символической сцене смерти. Человек уходит из жизни под звуки декламируемых стихов, однако его кончина остаётся незамеченной для слушателей. В повествовании отсутствует образ идеального общества.

Ключарев приходит в это окружение именно в поисках глубоких высказываний, он принадлежит к большинству представителей интеллигенции, но избегает участия в спорах, довольствуясь ролью наблюдателя. Только в этой среде существует слово, и вне зависимости от его содержания, оно несёт в себе ценность, является культурным кодом, имеющим значение для каждого.

Портрет конкретной личности в повестях В. Маканина обретает черты типичности: «Вероятно, я скрыл (от себя и от нее) момент, когда этот набегающий страх пришел ко мне впервые. Я не признался - и теперь каждый раз мне приходится скрывать слабину. Я все еще держусь мужчиной, петушком. И как теперь быть?, а никак! Вот так и выхаживать свой одинокий страх ночью.) ...Сама она всю жизнь боялась таких общественных разбирательств и судилищ куда больше меня, но не скрывала. И - привыкла. Но страх, как ни прячь, оказался итогом и моей жизни» [Маканин, 1998, с 387].

В произведениях В. Маканина вселенная предстает лишенной смысла и порядка, погруженной в пучину всеобщего хаоса. Описываемая реальность не подчиняется законам логики, она хаотична и катастрофична, а мир находится в состоянии глубочайшего кризиса. Городские пространства обезлюдели: улицы опустели, дворы затихли, детские площадки и скамейки у подъездов осиротели, редкие прохожие и автомобили – жители укрылись в своих домах, отгородившись от внешнего мира плотными шторами. В многоквартирных домах прекращена

телефонная связь, отсутствует горячее водоснабжение. Разгул мародерства, грабежей и насилия, захлестнувшие город, становятся зримым воплощением хаоса. Продуктовые магазины опустели, лишая людей возможности приобрести необходимое.

В ткани повествования контрастно сочетаются элементы возвышенного и приземленного. На фоне грабежей, жестокости на улицах, социального протеста и панического ужаса перед обезумевшей толпой, способной затоптать человека насмерть, проступают светлые проблески. Это – любовь к близким, взгляд любимого сына, скорбь по ушедшему товарищу. Герой оставляет незапертой дверь квартиры с работающим телефоном, предоставляя ее всем нуждающимся. Голодающий пес получает от Ключарева половину его последнего куска хлеба. Он помогает незнакомому пьяному человеку перебраться через ограждение. На заброшенной улице он защищает женщину от надругательства. Герой роет подземный ход, чтобы спасти своих близких.

В условиях всеобщего беспорядка, пытаясь сохранить свои жизни, люди вынуждены покидать привычные жилища и искать убежище под землей. Подобным образом поступает и центральный персонаж, Ключарев, который создает подземный ход для своей семьи в предвидении того, что проживание в надземных домах станет невозможным. Для Ключарева этот «лаз» является своего рода надеждой и поддержкой в мире, охваченном хаосом, однако его жизненные приоритеты остаются неизменными: защита семьи и оказание помощи больному ребенку. Именно стремление обеспечить благополучие своих близких становится определяющим фактором в его поступках в этом быстро трансформирующемся мире: «Он не рассказывает жене про смерть Павлова и про необходимость похорон, зато он охотно рассказывает, что нашел место недалеко от дома и от реки и уже начал рыть убежище. Они обговаривали это уже прежде, но теперь жена спрашивает с новой силой, она должна быть убеждена – разве в доме оставаться страшнее? Почему?.. Ключарев объясняет: все зависит от обстоятельств, представь себе, что воды нет, света нет, канализации, разумеется, тоже нет - дом уже не дом. Что касается пещеры, то там чудесно, он уже выкопал ее по пояс.

Выкопает глубже, нарубит веток, выстелит изнутри - можно и какое-то покрытие придумать. И ведь они переселятся туда с теплыми вещами» [Маканин, 1998, с 306].

Прийти на помощь женщине на пустынной улице – это тоже долг гражданина, осознанное чувство, возникшее в Ключареве «не дать хотя бы ее убить»: «Ключарев пересекает улицу и, надвигаясь на них, кричит: «Эй! Твари!..» - голос Ключарева угрожающ, но идет Ключарев к ним, конечно, медленно. Да, спугнуть. «Эй! Твар-ри!..» - второго его рыкающего крика хватает, ибо тут они туда - сюда оглядываются, бросают ее и скрываются, бегут двое, потом и последний» [Маканин, 1998, с 317].

Отдать последний сухарь голодной собаке – это долг человека перед «братом» меньшим, тема, пришедшая из высокой литературы: «В одной из плохоньких и явно брошенных дач виден подыхающий пес. Некормленый и забытый, он лежит у своей будки не в силах подняться. Жалость к животному (она еще есть! – удивляется Ключарев) толкает Ключарева войти в калитку, чтобы отвязать его с цепи, но оказалось, подыхавший пес не привязан. Просто он там, где всегда. И если другие голодающие собаки разбежались, этого что-то удерживает, любовь или долг. Глядит на Ключарева спокойным взглядом животного, уже знающего смерть. Поискав в кармане, Ключарев отламывает половину сухаря, кладет близко» [Маканин, 1998, с 310].

Помощь в похоронах друга – еще одна истина, которой придерживается главный герой: «Пещера их Павлова, он не получил, земля ему пухом. Это конец. Они опускают его без гроба, в простыне. Засыпали. И стоят рядом, отдельно от него, когда уже над ним их скорый холм» [Маканин, 1998, с 336].

Поэтика «хорошего конца» раскрывается через финал повести. Ключарев, измученный и ослабевший, засыпает возле своего дома, но не умирает. Его добрые дела приносят свои плоды: к нему приходит герой, напоминающий Иисуса Христа, который пробуждает Ключарева ото сна, тем самым спасая его. (Ранее упоминался религиозный дискурс, свойственный отечественной литературной традиции).

Владимир Маканин, следуя реалистическому направлению в литературе, не отказывается от религиозной составляющей. Присутствие религиозного подтекста позволяет автору укреплять убежденность читателей в конечном утверждении справедливости и триумфе Добра над Злом, несмотря на преобладающий хаос в окружающей действительности. В его произведениях религиозные мотивы служат опорой для поддержания надежды на лучшее. Это особенно важно в условиях, когда мир кажется погруженным в беспорядок и несправедливость. Религиозный дискурс, используемый Маканиным, становится инструментом, позволяющим читателям сохранять веру в возможность позитивных изменений.

Таким образом, Маканин использует религиозный подтекст не просто как элемент повествования, а как средство поддержания моральных ориентиров и укрепления веры в торжество высших ценностей. Маканин показывает, что спасение для Ключарева становится возможным благодаря вмешательству высших сил, герой находится в состоянии катарсиса. Такой подход укрепляет веру читателей в духовную силу русской литературы, её нравственные и воспитательные начала.

Традиции русских классиков, таких как Ф. М. Достоевский и Н. В. Гоголь, остаются актуальными. Маканин доказывает, что русская литература продолжает жить своей «учительностью», воспитывая в читателе веру в добро, справедливость и возможность спасения даже в самых трудных условиях.

Заключение

Антиутопия Владимира Маканина «Лаз» — произведение, которое оставляет читателя наедине с острыми вопросами о человеческой природе, выборе, ценностях и ответственности. Через образ главного героя, Ключарева, писатель раскрывает трагизм и парадокс человеческого существования в условиях хаоса, потери ориентиров и угрожающей неопределённости. «Разнообразие маканинских сюжетов и картин, вся его поэтическая система направлена на разработку символики предупреждения <...> Оперируя богатым спектром формальных приемов, в том числе усвоив стилевые уроки постмодернизма, В. Маканин не оказывается в плену формальной новизны как таковой. Его тексты являют собой емкую, развертываемую в жизненном пространстве метафору. Форма становится самим содержанием. Интертекстуальность, мотивность и другие главные “герои” постмодернизма в поэтике Маканина – всего лишь опорные точки, осуществляющие ритм движения внутри глобального метафорического пространства» [Тимина, 2002, с. 250].

Главный герой — человек, стоящий на грани между индивидуальной свободой и социальной обусловленностью. Ключарев как типичный герой антиутопии лишён возможности повлиять на общий ход событий, но он сохраняет внутреннюю нравственную опору. В ситуации, когда окружающий мир рушится, привычные ценности теряют смысл, герой пытается защитить то, что для него действительно важно: семью, близких, духовные ориентиры. Его решение вырыть «лаз» становится символом не только спасения, но и упорного стремления сохранить человеческое в бесчеловечных условиях.

Произведение «Лаз» отражает многие черты антиутопического метажанра, но в интерпретации Маканина он приобретает уникальные черты. В отличие от классических антиутопий, где доминирует изображение тоталитарного государства и подавления личности, Маканин сосредотачивается на внутренних переживаниях героя, показывая, как внешние условия трансформируют человеческую психику. Таким образом акцент смещается с социального и

политического аспекта на экзистенциальный, что позволяет читателю глубже прочувствовать трагедию героя.

Ключарев - не только человек, стремящийся физически выжить, но пытающийся сохранить свою душу. Маканин мастерски использует символику и метафоры, чтобы показать внутренний мир героя, его борьбу с самим собой, обществом и обстоятельствами. Лаз, открытый Ключаревым, становится не просто укрытием, но и метафорой пути, ведущего к поиску истины и спасения. Это одновременно символ отчаяния и надежды, поражения и веры.

Особое место в произведении занимает тема социальной усреднённости и обезличивания, которая противопоставляется индивидуальному выбору и ответственности героя. Ключарев, несмотря на давление обстоятельств, остаётся верен своим принципам. Его образ становится воплощением тихого героизма, который редко замечается окружающими, но в конечном итоге оказывается жизненно важным для сохранения человеческого в человеке.

Маканин через судьбу Ключарева обращается к вопросам, которые остаются актуальными для каждого времени: что значит быть человеком в условиях разрушения привычного мира? Как сохранить внутренний свет, когда вокруг темнота? Где найти силы для борьбы, если кажется, что сопротивление бесполезно? Эти вопросы делают произведение универсальным, а его главного героя — близким каждому читателю.

Важным аспектом исследования является религиозный и философский подтекст произведения. Ключарев олицетворяет стремление человека к очищению и духовному возрождению. Его финальное пробуждение становится метафорой возвращения к жизни, преодоления страха и хаоса. Это пробуждение символично: оно показывает, что даже в условиях кризиса и отчаяния человек способен обрести спасение - если не физическое, то духовное.

Таким образом, антиутопия «Лаз» Владимира Маканина - произведение, которое выходит за рамки жанровой традиции, обращаясь к универсальным вопросам человеческого существования. Главный герой, Ключарев, становится для нас проводником в мир духовной борьбы и надежды, олицетворяя сложность

и многообразие человеческой природы. Маканин оставляет читателя с мыслью о том, что даже в условиях тотального хаоса человечность и нравственные ценности остаются единственной возможностью для выживания. Это делает произведение «Лаз» не только значимым вкладом в литературу, но и ярким примером глубоко философского осмысления современности.

Современная антиутопия XX века сохраняет большинство черт, которыми уже обладали произведения этого жанра, однако в ней присутствуют и новые характерные особенности, свидетельствующие об эволюции. Основываясь на исследовании генезиса жанровой парадигмы российской литературной антиутопии и принимая во внимание результаты теоретических изысканий в этой области, мы заключаем, что антиутопия, в ее строгом понимании, представляет собой литературный метажанр, характеризующийся диалогическим и дискуссионным взаимодействием с утопией. Ключевым элементом, формирующим сюжет, является присутствие героя-бунтаря, фигуры трикстера или протагониста, выражающего несогласие с установленным порядком. Катализатором для «пробуждения» такого персонажа служит любовь либо возникновение интереса к духовным ценностям, что исследователи часто определяют как «пробуждение души». В творчестве В. Маканина – смещение конфликта политики и идеологии в сторону сферы социальной.

Изучение структуры метажанра антиутопии существенно расширяют представление о его современном звучании. Однако теоретические обобщения и методические рекомендации по рассматриваемой проблеме пока отсутствуют. В связи с этим рекомендуем использовать данный материал для создания элективного курса по изучению современной антиутопии в школе. Разработанные методические рекомендации представлены в Приложении 1.

Список использованных источников

1. Амусин С. Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина. - М.: Эксмо, 2010. – с. 256

2. Богданова О.В. Постмодернизм и современный литературный процесс: дис. … доктора филологических наук: 10.01.01. / О.В. Богданова, СПб. государственный университет. – 2003. – 250 с.

3. Воробьёва А. Н. Личность и общество в новейших антиутопических сюжетах // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: по материалам 5-й Всероссийской электронной научно-практической конференции. Самара, 2008. С. 249–253.

4. Воробьева А. Н. Развитие жанра антиутопии в современной русской литературе // Культура Творчество Человек Ч 1 - Самара Самарский гос. ин-т культуры, 1991 -С 87-90

5. Гальцева Р. Помеха-человек: Опыт века в зеркале антиутопий / Р. Гальцева, И. Роднянская // Новый мир. — 1988. — № 12. — С. 217–230.

6. Жаданов Ю.А.: Антиутопия XX века: этапы большого пути. Режим доступа: http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/zhadanov-antiutopiya-hh-veka.htm Дата обращения: 02.02.2025

7. Зверев А.М. Зеркала антиутопий. / А.М. Зверев. – М.: Книжная палата, 1989. С. 340-520.

8. Иванова Н. Ускользающая современность. Русская литература XX – XXI веков: от «вне комплектной» к постсоветской, а теперь и всемирной / Н. Иванова // Вопросы литературы. – 2007. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20110614133216/http://magazines.russ.ru/voplit/2007/3/iv7.html Дата обращения: 13.12.2024

9. Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века: Монография. — М.: РУДН, 2010 – 490 с.

10. Ковтун Н.В. Трансформация утопии в малой прозе рубежа XX – XXI веков (на материале повести В. Маканина «Лаз») // Русская литература. № 3. 2010. С. 185-193

11. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (На материале русской прозы второй половины XX – XXI века) : монография / Н.В. Ковтун. – Москва : ФЛИНТА ; Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. – 408 с. – (универсалии культуры. – вып. XII). 238 – 245стр

12. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01 / Н.В. Ковтун. – Томск, 2005. – 49 с.

13. Куликова, Е. В. Герой в «каркасе» социума: урбанистическое пространство В. Маканина / Е. В. Куликова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2012. — № 6 (41). — С. 258-260. — URL: https://moluch.ru/archive/41/4987/ (дата обращения: 13.12.2024).

14. Курицын В. Постмодернизм: Новая первобытная культура / В. Курицын // Новый мир – 1992. - №2. – С.226.

15. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 154—163

16. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. … д-ра филол. наук. Москва, 1993.

17. Ланин, 1993: Ланин, Б. А. Анатомия литературной антиутопии [Текст] / Б. Ланин // Общественные науки и современность. – М., 1993. – № 5. – С. 154–163. 42.

18. Ланин, 1993а: Ланин, Б. А. Русская литературная антиутопия : монография [Текст] / Б. А. Ланин. – М. : Алконост, 1993. –199 с.

19. Латынина Ю. Л. Литературные истоки антиутопического жанра: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992

20. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: научное издание. – Екатеринбург. – 2010. 904 с. 31.

21. Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Теория литературы (вводный курс): Учебно-методическое пособие для студентов факультета русского языка и литературы. – Екатеринбург. – 2008.

22. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950—1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений: В 2 т. — Т. 2: 1968—1990. — М.: Академия, 2003 – 684 с.

23. Любимова А. Ф. Диалектика игрового и общечеловеческого в романах О. Хаксли «О божественный новый мир» и Е. Замятина "Мы" / А. Ф. Любимова // Традиции и взаимодействие в заруб. лит. XIX-XX вв. Меж- вуз. сб. науч. тр. — Пермь, 1990. — С. 107–113.

24. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени : новое дополне нное издание - Москва : Geleos, 2008. – 604 с.

25. Маканин В.С. Лаз Повести и рассказы / Владимир Маканин. — М. : Вагриус, 1998. — 495 с.

26. Маканин В.С. Собрание сочинений. В 4-х тт. – Т.1. – М.: Материк, 2002. – 352 с.

27. Марченко А. М. Гексагональная решетка для мистера Букера // Новый мир. 1993. № 9. - С.230-238.

28. Мережинская А. Русский литературный постмодернизм: Художественная специфика. Динамика развития. Актуальные проблемы изучения. – К.: Логос, 2004. – 234 с.

29. Незмер А. Литература сегодня. О русской прозе. 90-е – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 431 с.

30. Павлова О. А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. – Волгоград: волгоградское научное издательство, 2004. – 471 с.

31. Проханов А. Кристаллография Маканина / Пламя искания. Антология критики. 1958-2008 — М.: Литературная Россия, 2009. Режим доступа: https://litrossia.ru/item/7555-alexandr-prohanov-kristallografia-makanina/ дата обращения: 13.12.2024

32. Радионова Л.А. Город как социальная система. Курс лекций. – Харьков: ХНАГХ, 2008. – 99 с.

33. Рейли П. Литература вины: от Гулливера до Голдинга / П. Рейли. — Бейзингсток: Л.: Macmillan, 1988. — 178 с.

34. Русская литература XX века: Школы. Направления. Методы творческой работы: учеб. пособие / под ред. С. И. Тиминой. СПб., 2002. – 460 с.

35. Семыкина Р. С.-И. Новый подпольный человек в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» / Р. С.-И. Семыкина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2008. — N 59, вып. 16. — С. 173-183.

36. Серафимова В. Метафорический язык произведений В.С. Маканина // Русская речь. – 2002. – № 2. – С. 34 – 41.

37. Скоропанова И.С. Первая волна русского постмодернизма / И.С. Скоропанова // Русская постмодернистская литература. – М.: Изд-во Флинта, Наука, 2001. – 380 с.

38. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. – Т.1: Теория и некоторые частные ее приложения. – М.: Языки славянской культуры. – 2005. – 816 с.

39. Чаликова В.А. Утопия рождается из утопии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chalikova.ru/utopiya-rozhdaetsya-iz-utopii.html [дата обращения: 12.12.2024]

40. Шестаков В.П. Русская литературная утопия // Вечер в 2217. – М.: Прогресс,1990. – 719 с.

41. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново: Федеральное агентство по образованию, 2009. С. 9–20.

42. Эпштейн, 2017: Эпштейн, М. Проективный словарь гуманитарных наук [Текст] / М. Эпштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 616 с.

43. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005

44. Fromm E. Afterword to G. Owell's "1984"/ E. Fromm. — N. Y., 2002. — P. 257–315.

45. Negley G., Patrick J. M. The Quest for Utopia: An Anthology of Imaginary Societies. New York: McGrath Publishing Company, 1952.

Приложение 1

Технологическая карта урока

Современная школьная программа по литературе включает в себя разнообразные литературные произведения, которые помогают учащимся расширить свой кругозор, развить литературное восприятие и аналитическое мышление. Одним из важных жанров, занимающих особое место в теории литературы, является антиутопия. Антиутопические произведения представляют собой особый вид литературы, который позволяет авторам выразить свое видение негативных тенденций в обществе и предостеречь читателей от возможных опасностей.

В практике преподавания литературы проблема изучения произведений утопического и антиутопического метажанров до сих пор мало исследована. Вместе с тем, программа по литературе для обучения на уровне среднего общего образования базового уровня 10 и 11 класса в соответствии с ФГОС СОО не предполагает знакомство с «Мы» Е. Замятина, исключением является углубленный курс. В связи с этим, необходимы внеклассные уроки для изучения антиутопии в школе.

Кроме того, мотивацией к изучению данного раздела литературы может служить подготовка учащихся к Итоговому сочинению ЕГЭ в 11 классе, одна из возможных тем которого звучит так: «От чего предостерегают человечество антиутопии?».

В этом отношении необходимо изучение современных литературных источников: включение в программу изучения современных антиутопических произведений, помимо «1984» Джорджа Оруэлла или «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и, конечно, «Мы» Замятина, других современных антиутопий, включая В.С. Маканина для того, чтобы показать актуальность и релевантность данной темы, её разнообразие в зависимости от устоявшихся традиций.

Важным аспектом при анализе текста антиутопии является обсуждение этических и моральных вопросов, которые она поднимает. Учащиеся могут обсуждать, насколько реалистичны и актуальны представленные в произведении

ситуации и проблемы, а также какие уроки и предостережения можно извлечь из антиутопической литературы. В процессе анализа текста учащиеся могут визуализировать и представлять антиутопическое общество. Например, можно предложить им создать коллажи, рисунки или модели, которые иллюстрируют основные аспекты антиутопического мира. Это поможет им лучше понять, визуализировать представленные в произведении идеи и концепции. В целом, анализ текста является ключевым сюжетом при преподавании антиутопии метажанра на уроках литературы. Он позволяет учащимся более глубоко понять антиутопические произведения, а также развивать аналитическое мышление и критическое мышление.

Благодаря знакомству учащихся с современной антиутопической литературой, закладывается понимание того, что литература - не застывшее явление, не памятник, а живой процесс, отражающий значимость истории и личного опыта авторов. Организация уроков внеклассного чтения приобщает к искусству слова и формирует ученика как читателя.

Метод Е. Н. Ильина урок литературы как искусство: «Важно, чтобы ученики не просто прочитали, но прочувствовали текст: погрузились в его атмосферу, прожили описанные в нём проблемы, выразили своё отношение к героям, поставили себя на их место в моменты нравственного выбора и приняли собственные решения. Даже если они не совпадают с авторской позицией.»

Каждый учитель может выбирать и адаптировать методики в соответствии с потребностями и возможностями своих учеников. Главное - создать интерес и понимание важности изучения антиутопии, чтобы помочь учащимся развивать критическое мышление и осознанное отношение к социальным и политическим проблемам.

Технологическая карта урока

Класс: 11

Тема: Современная антиутопия (на примере повести В.С. Маканина «Лаз»)

Тип урока: Урок открытия нового знания

Цель: Подтолкнуть учащихся к созданию собственной интерпретации антиутопического общества, визуализировать представленные в произведении идеи и концепции. Дать возможность учащимся выработать собственное отношение к предполагаемым путям развития общества и человечества.

Планируемые результаты:

Личностные: Содействие в развитии и формировании у обучающихся эстетического вкуса, культуры речи, психологической грамотности, культуры мышления и поведения;

Развитие морального сознания и компетентности в решении моральных проблем на основе личностного выбора, формирование нравственных чувств и нравственного поведения.

Формирование умения воспринимать, анализировать и критически оценивать прочитанное.

Метапредметные:

• Познавательные:

Расширение знаний учащихся о жанре антиутопии и его признаках;

Наращивание компетенций в способности определять ключевые признаки для классификации произведения.

• Коммуникативные:

Ученик научится:

Подбирать иллюстративный материал (рисунки, фото, плакаты) к тексту выступления.

Аргументированно высказывать свою позицию.

Выполнять совместные проектные задания и коллективно строить действия по достижению цели задания.

• Регулятивные:

Совершенствование аналитических способностей старшеклассников, умения рефлексировать, соотносить цели и результаты своей деятельности.

• Предметные:

Ученик научится:

Использовать знания о жанрах, анализировать текст с точки зрения наличия в нем ключевых признаков, определять его тему, проблему и основную мысль.

Извлекать информацию из необходимых источников и переводить ее в текстовый формат. Соблюдать культуру публичной речи.

Технологии, методы: Работа в группах для создания коллажа, разъяснение понятий (теория литературы), аналитическая беседа.

Оборудование: Мультимедийный проектор, раздаточный материал для учащихся.

Особенно велико значение самостоятельной работы при выполнении домашних заданий. В этом плане важная роль отводится домашнему чтению как средству развития интеллектуальных способностей и кругозора учащихся, возможности познакомиться с разножанровыми текстами и открыть для себя новых авторов. Для того чтобы сделать урок более интересным, а также сделать акцент на раскрытие творческого выражения учащихся, в качестве домашней работы перед учениками стояла задача сделать на основе прочитанного коллаж/рисунок, который должен иллюстрировать атмосферу антиутопического мира с её характерными признаками. (Для внеклассного чтения ученикам представлены 2,3,4 главы).

Этап урока	Содержание этапа (деятельность учителя)	Деятельность учащихся	Время
Оргмомент	Приветствие учащихся. Проверка готовности к уроку.	Рассаживаются по группам для проведения презентации.	1-2 мин

Мотивация к учебной деятельности Актуализация ранее полученных знаний Целеполагание	Беседа – постановка цели урока: – Давайте вспомним, о чем пойдет речь сегодня на нашем уроке? – Какое задание вам необходимо было выполнить и какие трудности вы встретили на своем пути? – Какие еще антиутопии вы знаете?	Учащиеся отвечают. Например: Роман Е. Замятина «Мы», роман О. Хаксли «О дивный новый мир» и т.п.	3 мин
Решение учебных ситуаций •художественное восприятие и выявление восприятия •анализ произведения	Работа в группах на основе материалов домашнего задания. Формулирование проблемного вопроса: – Какой мир будущего рисует Маканин в повести? – Какой вы представили эту атмосферу, прочитав текст произведения? Проверка работы групп. Каждая группа представляет свой коллаж. Делится впечатлениями после прочтения отрывка. – Давайте сделаем выводы, какие основные черты вы выделяете в своих коллажах, а затем проанализируем черты классической антиутопии и соотнесем их.	Учащиеся представляют свои коллажи, аргументируют, почему выбрали те или иные иллюстрации, делятся своими чувствами и эмоциями от прочитанного. В то же время, анализируют коллажи своих одноклассников, находят общие черты, цвета, силуэты.	15 мин
Этап анализа	На экране представлена работа советской художницы Магидсон Ариадны Соломоновны «Темный город» в стиле авангард. – Как считаете, можно ли было использовать данное полотно для иллюстрации произведения? Какие эмоции эта картина вызывает?	Отвечают «Да/нет». Аргументируют. Соотносят иллюстрацию со своим коллажом.	2 мин
Теоретическая часть	Слово учителя: Мастер российской прозы, лауреат «Большой книги – 2008» Владимир Маканин запечатлел безысходное сознание как факт обыденного сознания, определяющего поведение человека в современном мире. Изобразил масштабный символ грядущей гибели человечества – толпа, бессмысленная, слепая сила, сметающая всё на своем пути, но это	Делают конспект основных тезисов. Анализируют общие черты и указывают на отличия в современной и классической антиутопии. Отвечают на вопрос учителя.	18-20 мин

	толпа «тихая». – Сделайте конспект основных тезисов. •Смысл страха в антиутопическом тексте заключается в создании особой атмосферы того, что принято называть «антиутопическим миром». •Герой антиутопии эксцентричен, именно таким перед нами предстает главный герой Ключарев. •Антиутопия использует фантастику с целью дискредитации мира, его нелогичности, абсурдности, враждебности к человеку. •Гиперболизация, но узнаваемость негативных тенденций современности. •Особое отношение к памяти и смерти. •Моделирование будущего, в котором сконцентрированы недостатки сегодняшнего дня. •Пространство в антиутопии может быть замкнутым, расположенным вертикально, создающим конфликт верха и низа «лаз». •Для антиутопий характерен мотив предостережения, они показывают что выходит из утопических идей, если их претворять в жизнь, поэтому антиутопии строятся на конфликте, подсказанном жизнью. Вопрос учителя: Чем на ваш взгляд отличается антиутопия «Мы» Е. Замятина от повести «Лаз» В. С. Маканина?	Например: «Основная проблема смещается с политической на социальную …» «Главный герой изображен по-другому …» и т.д.	
Рефлексия	Беседа: – Какие эмоции вы испытываете после нашего урока? Что осталось непонятным? – Заинтересовал ли вас жанр	Учащиеся делятся впечатлениями, мнением относительно прочитанного, задают уточняющие вопросы.	4 мин

	антиутопии? (Учитель советует к прочтению книгу «Лаз», сборник повестей В.С. Маканина).		
Д/з	Напишите небольшое эссе, предположите, чем могла закончиться повесть. Напишите свой вариант финала.	Записывают домашнее задание. Задают вопросы по заданию.	1 мин